

ВОЛЬТЕР, КНЯГИНЯ ДАШКОВА, ЕКАТЕРИНА II

28 июня 1762 года в России произошел дворцовый переворот. Петр III был низложен, а на престол вступила Екатерина II. Важную роль в этих событиях сыграла княгиня Е. Р. Дашкова, ближайшая подруга императрицы. Однако относительно того, какова была эта роль в действительности, в первые месяцы после воцарения Екатерины развернулась настоящая война. Борьба же трактовок этого, на первый взгляд, не столь уж важного сюжета, оставила существенный, но до сих пор недостаточно оцененный след в истории российско-французских отношений второй половины XVIII в., даже можно сказать, в истории взаимовлияния культур этих двух стран.

Когда в конце века в руки княгини попало сочинение Ж.-А. Кастера «Жизнь Екатерины II»¹, бывшая заговорщица трижды прочитала ее и оставила на полях многочисленные маргиналии². На той странице, где упоминался Вольтер и Екатерина II, Дашкова сделала примечательную пометку. Имея в виду императрицу, читательница написала: «Elle a dit sependent au chancier Bestougeff devant tout le cour qu'elle me devait sa courone» («Тем не менее в присутствии всего двора императрица сказала канцлеру Бестужеву, что своей короной она обязана мне»)³. В начале XIX в. сестры из Ирландии Марта и Кэтрин Вильмот работали над текстом мемуаров Дашковой, и книга Кастера с многочисленными маргиналиями княгини явилась одним из источников, использованных при составлении воспоминаний бывшей заговорщицы⁴. Знаменательные слова императрицы, подчеркивающие исключительную роль Дашковой в перевороте, были почти буквально воспроизведены в тексте «Записок» Е. Р. Дашковой. Здесь говорилось, что вскоре после переворота императрица, представляя Екатерину Романовну вернувшемуся из ссылки великому канцлеру А. П. Бестужеву, произнесла: «Это княгиня Дашкова! Можно было ли представить, что короной я буду обязана юной дочери Романа Воронцова»⁵. Следует особо подчеркнуть, что императрица говорила об этом не только канцлеру, но и иностранным дипломатам. Члены дипломатического корпуса поспешили донести своим дворам о выдающейся роли Дашковой в полном соответствии с высказываниями самой императрицы⁶. В первые дни нового царствования полагали, что княгиня станет фавориткой Екатерины II и будет иметь большое влияние на дела.

Каждое слово в этой знаменитой фразе императрицы было необыкновенно значимо. Во время переворота и в первые дни после него Екатерина старалась убедить общественное мнение в том, что она пришла к власти не в результате интриги или заговора, а была вознесена на престол

российскими поданными. Она уступила желаниям общества. Именно в этом смысле был составлен манифест о воцарении Екатерины II 28 июня 1762 г.⁷ Так же трактовал это событие и последовавший через восемь дней обстоятельный манифест 6 июля 1762 г.⁸ Поэтому в тот момент было так важно говорить, что ее необыкновенное воцарение (она называла его «чудом»)⁹ – дело рук юной племянницы канцлера, дочери сенатора, представительницы исконно русского аристократического семейства. Дашкова отличалась от всех остальных заговорщиков еще тем, что она была сестрой любовницы императора, дядя же, канцлер, и отец, сенатор, как и все представители воронцовского клана, были менее всего заинтересованы в низвержении императора Петра Федоровича. И это обстоятельство должно было особо подчеркнуть неизбежность падения императора, который стал неприемлем для патриотически настроенных верхов. Дашкова предпочла общественное благо личным выгодам, и в этом смысле фигура юной заговорщицы была особенно важна для Екатерины.

Следует особо подчеркнуть: выдвигая именно Дашкову на первый план, императрица тем самым старалась развеять подозрения в том, что достигла трона благодаря собственной интриге и закулисным действиям. Действительно, иностранные дипломаты, спешившие донести своим дворам о перевороте, выделяли исключительную роль в этом событии княгини Дашковой. Очевидно, в своих депешах они воспроизводили мнение, которое высказывала императрица в самые первые дни своего царствования.

Но стоило этой версии получить распространение за границей, как императрица оказалась встревоженной тем, что в глазах Европы Дашкова внезапно выросла в фигуру поистине историческую. С этим Екатерина мириться никак не хотела, да и отношения с самой княгиней вскоре у императрицы совершенно разладились.

Когда Дашкова в конце XVIII в. составляла свои примечания на книгу К.-К. Рюльера «История и анекдоты революции в России в 1762 г.»¹⁰, княгиня называла три причины, по которым она подверглась немилости Екатерины после переворота. Первая состояла в том, что она была сторонницей регентства, т. е. того, чтобы императором был провозглашен великий князь Павел, а Екатерина только регентшей. Вторая причина – Дашкова не хотела признавать Григория Орлова официальным фаворитом императрицы (*amant en titre*). Наконец, третье ее «прегрешение» заключалось в том, что она отказывалась общаться с Алексеем Орловым после того, как узнала об убийстве Петра III¹¹.

Но была еще одна очень существенная причина, о которой Дашкова либо не догадывалась, либо не желала рассказать кому бы то ни было. И именно поэтому важнейший эпизод ее биографии ускользнул из поля зрения ее биографов – как хулителей, так и восторженных почитателей.

Дело в том, что вскоре после переворота 28 июня 1762 г. княгиня попыталась завязать литературную переписку с Вольтером и использовать его перо и авторитет, чтобы оповестить Европу о произошедшей в России революции и той выдающейся роли, которую она сыграла в этом событии. Она попыталась сделать это ранее самой Екатерины II. Нетрудно догадаться, что в глазах ревнивой к славе императрицы этакий поступок был больше, чем преступление. Видимо, Екатерина Романовна, несмотря на близость к императрице, не сумела проникнуть в суть этого характера. Решившись на контакты с Вольтером, она едва ли могла предвидеть все последствия такого шага для своей личной судьбы. Княгиня, видимо, даже не представляла, какую ревнивую реакцию это может вызвать у ее августейшей подруги и как это отразится на их дальнейших отношениях. Очевидно, это было самостоятельное решение будущей главы двух академий, и ее шаг никак не согласовывался с царицей. В противном случае он едва ли имел бы место. Выступить посредником между Вольтером и Дашковой взял на себя И. И. Шувалов, постоянный корреспондент фернейского патриарха и духовный наставник юной Екатерины Воронцовой¹². Тонкий царедворец, по всей видимости, тоже оказался не в состоянии разобраться во всех оттенках настроения Екатерины и не заметил, как из литературного собеседника великой княгини неожиданно превратился в глазах уже императрицы Екатерины в «самого низкого и самого подлого из людей»¹³. По крайней мере, именно так он вскоре был представлен императрицей Вольтеру.

9 июля 1762 г., через два дня после того, как было официально объявлено о смерти Петра III, И. И. Шувалов написал письмо Вольтеру, которое было предназначено оправдать переворот, показать Европе неизбежность падения императора и закономерность воцарения его супруги. Естественно, свергнутый император представлялся как средоточие пороков, некое исчадие ада, а взошедшая на престол императрица, напротив, – как женщина редких достоинств, собрание добродетелей, достойная управлять целой Вселенною. По словам автора письма, недостойное обращение Петра III со своей супругой усилило всеобщее недовольство, так что с минуты на минуту ожидали переворота. Поэтому приходилось сдерживать недовольство. Арест одного из гвардейских офицеров, посвященных в тайну, привел к тому, что буря разразилась: «Некоторые из его товарищей помчались вначале в Петергоф, где находилась императрица, для того, чтобы предупредить ее, умоляли предотвратить неизбежную „революцию“, спасти их, равно как и отечество от неминуемого разрушения» («Quelques uns de ses Camarades volèrent d’abord à Peterhoff où était l’Imperatrice, pour l’avertir, la suppliant de prévenir le malheur d’une révolution certaine et de les sauver, ainsi que la patrie d’une ruine prochaine et inévitable»)¹⁴. Императрица согла-

силась. Она приехала инкогнито в Петербург, где ее ждала большая часть гвардейских полков. Ей тут же принесли присягу, и переворот совершился. Обрисовав в общих чертах, как был свергнут Петр III, Шувалов писал: «Vous serés étonné, Monsieur, sans doute, d’apprendre que parmi les Personnes qui ont le plus de part à cette enterprise, se trouve une jeune dame de 19 ans. La Princesse Dasschkoff, née Contesse de Worontzoff, est l’illustre Héroïne, qui enflammée de Zèle pour la Patrie, et pour nôtre Souveraine, a risqué sa vie pour le Bien public. Elle réunit avec cela tous les charmes du Corps et de l’esprit, et joint une grande érudiction à un Génie vaste; en un mot elle mérit nôtre estime et vôtre amitié. Ce qu’il y a de suprenant, c’est qu’elle est la propre soeur de la Comtesse Elisabeth Worontzoff, Maitresse de Pierre III, la même dont il est fait mention dans le Manifeste; tant les vertues et les vices, ont divisé leur intérêt»¹⁵ («Вы, несомненно, будете удивлены, милостивый государь, когда узнаете, что среди тех, кто более всех принял участие в этом предприятии, была юная дама 19 лет от роду. Княгиня Дашкова, урожденная Воронцова, прославленная Героиня, исполненная пламенной любви к Родине и нашей Государыне, рисковала жизнью ради Общего блага. Наряду с этими достоинствами она соединяет в себе телесную прелесть и душевное обаяние, а к разностороннему Гению прибавляет громадную эрудицию, одним словом эта женщина достойна нашего уважения и вашей дружбы. Что особенно удивительно, так это то, что она – родная сестра Елизаветы Воронцовой, любовницы Петра III, той самой, о которой упоминается в манифесте; так добродетели и пороки разделили свои интересы»).

Пожалуй, никто с таким восторгом не писал о Дашковой! Даже более поздний отзыв Д. Дидро, исполненный сдержанного восхищения, не может сравниться с такой характеристикой, которая вышла из под пера И. И. Шувалова¹⁶. А слова о том, что она заслуживает «нашего» уважения, то есть уважения просвещенной элиты Европы, и «вашей» дружбы, иными словами, патриарха Просвещения! Так о Дашковой не отзывался никто. Да еще к кому? Самому Вольтеру. Ни один из живущих тогда русских подданных никогда не был представлен властителю дум с такой аттестацией. Более того, кроме того, что княгиня характеризуется как личность, достойная внимания выдающихся умов Просвещения, оказывается, она еще и героиня с большой буквы, сыграла выдающуюся роль в «революции», которая только что произошла в России, хотя в чем конкретно эта роль выразилась, осталось нераскрытым.

Нетрудно представить, с каким выражением лица могла читать эти строки Екатерина II. Как женщину, ее не могли не задеть слова «tous les charmes du Corps et de l’esprit» («телесную прелесть и душевное обаяние»). О ней ведь не говорилось ничего подобного! Но помимо шарма, неотразимых женских прелестей, телесных и душевных, было еще и другое, что

не могло не породить ревнивое чувство. «Героиня»¹⁷, «Гений»... Но и это было еще не все. В конце письма Шувалов написал, что ждет ответа от Вольтера и просил писателя прославить Екатерину Романовну. «J'attends une réponse de votre part. Si vous trouverés à propos de dire quelque chose de la princesse de Dasschkoff, vous l'obligerés infiniment. Elle respecte vos écrits immortels. Je vous demande mille pardons de la liberté que je prens»¹⁸ («Ожидаю вашего ответа. Если вы сообразите сказать что-нибудь о Дашковой, вы бесконечно ее обяжете. Она питает глубокое почтение к Вашим бессмертным творениям. Тисячу раз прошу простить меня за то, что осмелился просить об этом»).

Итак, Дашкова при посредничестве И. И. Шувалова попыталась установить связь с Вольтером.

Это было то, о чем уже давно мечтала сама Екатерина II? Или же Дашкова устами Ивана Шувалова навела императрицу на блестящую мысль, что можно и нужно использовать гениальное перо Вольтера в собственных целях? Вряд ли мы когда-нибудь получим ответ на этот вопрос. Но, кажется, нет никаких свидетельств о том, что до того как Шувалов написал свое «роковое» для Дашковой, да и, наверно, для себя самого письмо, у Екатерины такие мысли уже были. Если это действительно так, то мы должны зафиксировать самый первый толчок, который привел к тому, что потом станет называться «Перепиской Вольтера и Екатерины II». О том, что это был именно первотолчок, свидетельствуют последующие действия императрицы.

Пожалуй, впервые императрица увидела в Дашковой соперницу в борьбе за европейское общественное мнение. Понятно, что И. И. Шувалов стал в ее глазах «самым низким и самым подлым из людей» («le plus bas et le plus lâche des hommes»¹⁹). Кажется, этот человек не понял простой вещи: в самодержавном правлении, какими бы либеральными драпировками оно ни было украшено, если монарх – женщина, «героиня» с большой буквы может быть только одна, «гений» также с большой буквы может быть только один. Наконец, «tous les charmes du Corps et de l'esprit» – обладателем этих качеств может быть только монархиня. Это ежедневно и ежедневно и довольно откровенно демонстрировала Елизавета Петровна своим обычным поведением. Как это Шувалов не усвоил этого в ее царствование, хотя был к ней весьма близок? Возможно, он чувствовал шаткость своего положения при новой императрице и пытался заручиться поддержкой ее ближайшей подруги, в которой, как и иностранные дипломаты, готов был видеть новую фаворитку.

Как бы то ни было, он стал «самым подлым и самым низким из людей». Дашкову же теперь следовало опустить с того пьедестала, на котором она оказалась после 28 июня 1762 г. Видимо, относительно «tous les charmes

du Corps et de l'esprit» опровергнуть было бы довольно затруднительно. А вот «l'illustre Héroïne» и «un Génie vaste» («прославленная Героиня» и «разносторонний Гений») следовало дезавуировать. Ведь Шувалов написал только, что друзья П. Б. Пассека, которого он не назвал по имени, помчались к Екатерине в Петергоф предупредить ее об опасности и склонить начать действовать. Вольтер не мог прочитать в шуваловском письме, была ли среди этих «camarades» («товарищей») княгиня Дашкова²⁰.

В чем же конкретно состояла выдающаяся роль Дашковой «à cette entreprise» («в этом предприятии»), в шуваловском письме не раскрывалось. Именно поэтому можно было дезавуировать ее «выдающуюся роль». Для этого надо было конкретно показать, в чем именно она заключалась, и убедить читателя в том, что эта роль вовсе не была выдающейся.

Именно это и сделала Екатерина спустя три недели после того, как И. И. Шувалов отправил свое письмо Вольтеру. Она предприняла атаку на репутацию княгини Дашковой. Не следует думать, что эта атака была вызвана какими-то разногласиями, возникшими между двумя бывшими подругами после воцарения императрицы. Напротив, Екатерина продолжала демонстрировать свою дружбу и привязанность к бывшей заговорщице. 2 августа 1762 г. Екатерина Романовна написала письмо брату Александру, в котором сообщала о расположении к себе императрицы. А. Р. Воронцов, отвечая на это письмо, упомянул о «les bontés dont l'impératrice vous comblé» («о благодеяниях, которыми императрица вас осыпала»)²¹.

В этот же день Екатерина написала ставшее потом знаменитым письмо С.-А. Понятовскому с описанием переворота 28 июня 1762 г. Обычно этот документ трактуется так. Бывший любовник великой княгини буквально рвался в Петербург. Екатерина пишет это письмо, чтобы ясно дать понять: приезжать ни в коем случае не следует. Все в прошлом, первую скрипку здесь играют братья Орловы. Понятовскому в этой ситуации в России делать нечего²². Это конечно же так. Однако исследователи этого текста, справедливо отмечавшие, что императрица в пику Понятовскому сознательно преувеличивает роль Орловых, не обратили внимание на другой важнейший аспект екатерининского письма. Оно призвано нейтрализовать то впечатление, которое может произвести в Европе письмо Шувалова. Отчасти оно адресовано и Вольтеру, с которым Екатерина очень бы хотела вступить в литературные отношения, но пока еще не знает, как это лучше сделать. Императрица желает дезавуировать все то, что сообщено Вольтеру о Дашковой, и выдвигает на первый план Орловых в пику княгине²³.

Письмо было отправлено через посредство австрийского посланника в Петербурге Ф.-К. Мерси д'Аржанто. Интерпретация, предложенная императрицей, такова. Сумосбродства Петра III и прямая опасность, исходившая от императора для нее лично, заставили Екатерину прислушаться к

предложениям, которые ей делали со времени смерти императрицы Елизаветы Петровны. План заключался в том, чтобы арестовать императора и отправить его в заключение. Этот план поддерживало большое число капитанов гвардейских полков. Но «узел секрета находился в руках троих братьев Орловых», людей «необычайно решительных», «очень любимых большинством солдат гвардии», где они служили. «Я очень обязана этим людям; весь Петербург тому свидетель», – писала Екатерина ²⁴.

Итак она обязана вовсе не Дашковой, а Орловым, в их руках находилась «главная тайна». Н. И. Панин хотел, чтобы переворот совершился в пользу сына императрицы Павла, Орловы ни за что не хотели согласиться на это. Решили, что в случае предательства соберут гвардейцев и провозгласят Екатерину самодержавной императрицей. Арест П. Б. Пассека привел Преображенский полк в движение и вызвал тревогу среди заговорщиков. «Они решили прежде всего послать второго брата Орлова ко мне, чтобы привезти меня в город, а два другие идут всюду извещать, что императрица скоро придет. Гетман, Волконский, Панин были посвящены в тайну»²⁵. В 6 часов утра Алексей Орлов прибыл в Петергоф и сообщил Екатерине: «... Все готово, чтобы вас провозгласить». Императрица с этого момента начинает действовать. В письме подробно описаны все этапы «дворцовой революции», в которой «Орловы блистали своим искусством управлять умами, осторожною смелостью в больших и мелких подробностях, присутствием духа и авторитетом, который это поведение им доставило. У них много здравого смысла, благородного мужества. Они патриоты до энтузиазма и очень честные люди, страстно привязанные к моей особе, и друзья, какими никогда еще не были никакие братья...»²⁶.

Таким образом «Героине» И. И. Шувалова теперь противопоставлены братья Орловы. Это и есть подлинные герои переворота. В описании хода его какие-либо упоминания о Дашковой отсутствуют. Ее просто нет в екатерининском тексте. Создается впечатление, что княгиня Дашкова в «революции» и не участвовала. Впрочем, Дашковой и ее роли в этом событии Екатерина посвятила один саркастический пассаж. «Княгиня Дашкова, младшая сестра Елизаветы Воронцовой, хотя и желает приписать себе всю честь, так как была знакома с некоторыми из главарей, не была в чести по причине своего родства и своего девятнадцатилетнего возраста, и не внушала никому доверия; хотя она уверяет, что все ко мне проходило через ее руки, однако все лица [бывшие в заговоре. – М.С.] имели сношения со мною в течение шести месяцев прежде, чем она узнала только их имена. Правда, она очень умна, но с большим тщеславием она соединяет взбалмошный характер и очень нелюбима нашими главарями; только ветреные люди сообщали ей о том, что знали сами, но это были лишь мелкие подробности. И. И. Шувалов, самый низкий и самый подлый из людей, го-

ворят, написал тем не менее Вольтеру, что девятнадцатилетняя женщина переменяла правительство этой Империи; выведите, пожалуйста, из заблуждения этого великого писателя. Приходилось скрывать от княгини пути, которыми другие сносились со мною еще за пять месяцев до того, как она что-либо узнала. А за четыре последних недели ей сообщали так мало, как только могли»²⁷.

Теперь Екатерина не брезговала ничем, чтобы свести до минимума или сделать вовсе ничтожной роль княгини Дашковой в своем воцарении, и просила уверить просветителей Европы, и прежде всего их патриарха Вольтера: слух о выдающейся роли княгини в дворцовой революции совершенно не соответствует действительности.

Два дня спустя, после того как Екатерина составила письмо Понятовскому, императрица сделала попытку самой завязать отношения с Вольтером и использовать его перо для оправдания своего воцарения и убийства Петра III. Обратим внимание (никто из исследователей этого не заметил), что Екатерина повторила то, что уже было предпринято ранее княгиней Дашковой.

Авторитет философа был совершенно необходим императрице. Посредником между Екатериной и писателем выступил Франсуа Пьер Пикте, женевакский авантюрист, стремившийся стать личным секретарем императрицы ²⁸. Пикте был своим человеком в доме Вольтера. Он был одним из участников любительской труппы, разыгрывавшей спектакли на домашней сцене в Ферне. За его огромный рост Вольтер называл этого актера «Гигантом». В 1761 г. Пикте старался стать секретарем русского посланника в Голландии А. Р. Воронцова, а в первой половине следующего года он перебрался искать счастья в Россию, старался добиться расположения И. И. Шувалова. Но, несмотря на рекомендации Вольтера, ему это не удалось.

Пикте еще при жизни Петра III пытался выгоднейшим для себя образом использовать при российском дворе свое личное знакомство с Вольтером. Женевак надеялся использовать то обстоятельство, что он состоял в переписке с Вольтером, для приобретения политического капитала в России. Он восхвалял Петра III и рассчитывал вдохновить автора «Генриады» на то, чтобы знаменитый писатель воспел и российского императора. После переворота беспринципный Пикте, преследуя те же цели, осудил низвергнутого царя и приветствовал воцарение его супруги. 3 (14) июля Пикте написал Вольтеру письмо «sur l'avènement au trône de l'impératrice Catherine II» («о восшествии на престол императрицы Екатерины II») ²⁹. Оно было опубликовано без подписи в авторитетнейшем европейском издании Пьера Руссо «Journal Encyclopédique» («Энциклопедическом журнале») в отделе «Nouvelles politiques» («Политические новости») ³⁰. Главным действующим

щим лицом переворота Пикте назвал княгиню Дашкову, «молодую женщину 19 лет, сестру фрейлины Воронцовой, племянницу канцлера, особенно привязанную к императрице. Именно у нее собирались заговорщики и обсуждали поведение императора»³¹. Когда заговор оказался на волосок от раскрытия, «княгиня Дашкова отправила карету за императрицей, которая удалилось в Петергоф»³², и тем самым начала дворцовый переворот. Наконец, во время петергофского похода «императрица в сопровождении юной княгини Дашковой, фельдмаршала Разумовского, князя Волконского и генерала Вильбоа отправилась в Ораниенбаум. Она была в боевом снаряжении, так же, как и княгиня Дашкова»³³. Такая трактовка вполне соответствовала распространенной в те дни версии, сторонницей которой тогда была и сама императрица³⁴. Именно эта версия оказалось обнародованной в «Journal Encyclopédique». В этом же отделе были опубликованы еще два письма Пикте к Вольтеру с изложением политических новостей с пометкой «Petersbourg»³⁵. Их обнародовали также анонимно и дополнили изложением текстов манифестов Екатерины II. В первом из них от 12 (23) июля речь шла о смерти Петра III и его похоронах³⁶. Во втором, написанном 4 (15) августа, рассказывалось о подготовке к коронационным торжествам и сообщались придворные и политические новости³⁷.

В тот же день, 4 (15) августа 1762 г., Пикте написал Вольтеру письмо, текст которого был согласован с Екатериной. В этом письме Пикте значительно скорректировал шуваловскую версию переворота. Женевец прекрасно понимал, что после убийства Петра III Екатерина II оказалась в нелегком положении. Официальная версия о «народном избрании» теперь сильно хромала. Европа подозревала императрицу в соучастии в убийстве мужа. Поэтому она сильно нуждалась в том, чтобы развеять усилившееся после смерти ее мужа подозрения в том, что она стала императрицей благодаря интриге и заговору. Письмо к Вольтеру начиналось с утверждения: в Петербурге не знают, что думают за границей относительно всего здесь произошедшего. Последующая фраза Пикте свидетельствовала об обратном, т.е. что в России это прекрасно знали: «Возможно, за Границей убеждены, что Революция был порождена Интригой или какой-либо группой заговорщиков. Может быть, воображают, что монархиня своими происками старалась создать партию, которая могла бы возвести ее на Престол, и употребила все возможные ухищрения, чтобы его достигнуть. Если таково мнение Европы, то она ошибается, и не имеет верного представления ни о характере этой Императрицы, ни о Русских, ни о самой России». («Peut être se persuade t'on dans L'Etranger que La Révolution doit son origine à l'Intrigue, et à la faction; Peut être imagine t'on que la souveraine a cherché par ses menées à se faire un parti qui pût la porter au Trône, et a employé toutes sortes de moiens pour y parvenir; si telle est la façon de penser de L'Europe,

L'Europe se trompe, et ne se fait aucune idée ni du caractère de L'Impératrice, ni des Russes, ni de la Russie»)³⁸.

«Будьте уверены, милостивый государь, – заверял Пикте Вольтера, – Императрица никогда не добивалась трона. Вступая на него, она следовала общему желанию Нации. Императрица делала это лишь для того, чтобы спасти Россию от бед, которые ей казались неизбежными» («Soiés sûr, Monsieur, que ce n'est point L'Impératrice qui a cherché le trône, qu'en y montant elle n'a fait que céder au voeu général da la Nation, et qu'elle ne s'y est déterminée que pour sauver la Russie des maux aux quels elle sembloit destinée»)³⁹.

Далее Пикте пустился в рассуждение о том, имеет ли право нация свергнуть своего государя и пришел к заключению, что народ обладает таким правом, если монарх не выполняет возложенных на него обязательств. Затем следовало пространное доказательство, что Петр III и был таким монархом. Его же супруга представляла собой полную противоположность ему. «Русские обожали Императрицу, она жила для того, чтобы для одних творить добро, и препятствовать, насколько это было в ее силах, делать зло другим...» («L'Impératrice a été adorée des Russes, qu'elle a passé sa vie à faire du bien aux uns, et à empêcher autant qu'elle le pouvoit qu'on ne fit du mal aux autres...»). И это вполне объясняет, почему «...не было нужды ни в какой интриге, ни в постыдных средствах, чтобы облечь ее в то достоинство, в котором она ныне пребывает» («...il n'ait fallu ni intrigues ni moiens honteux pour la placer dans le Rang qu'elle occupe aujourd'hui»)⁴⁰. Все положительное, сделанное в правлении Петра, что еще полгода тому назад так восхвалял сам Пикте и просил восславить Вольтера, было совершено в течение первых недель, когда он следовал советам своей супруги⁴¹. Но вскоре он перестал ее слушать. И уже через три месяца буквально все, исключая дюжину фаворитов императора, желали иметь другого государя. Все умы обратились к императрице: «Давно уже знали, что у нее много ума и талантов, что она справедлива, добра, сострадательна, великодушна. Все страдали, но она тоже страдала. Это сделало ее еще более дорогой для Нации<...> она не могла появиться в публике, чтобы не встретить целые толпы людей разных чинов и состояний, которые называли ее своей Матерью и их единственной Надеждою» («Depuis longtemps on lui connoissoit beaucoup d'esprit et de talents, on savoit qu'elle étoit just, bonne, compatissante, généreuse, on souffroit, mais elle souffroit aussi, ce qui la rendoit encore plus chère à la Nation<...>elle ne pouvoit s'y montrer sans rencontrer une foule de gens de tout ordre, et de toute condition, qui l'appelloient leur Mère et leur unique Espérance»)⁴². Но среди них были и самые решительные и сильные духом люди, которые не только мечтали, но и действовали для того, чтобы возвести ее на трон. К ним принадлежали два рода людей: придворные

(«des courtisans») и частные лица («des particuliers»). Среди придворных Пикте назвал Панина, гетмана и «княгиню Каршов („Karschow“), женщину 20 лет, у которой обширный ум, познания и добродетели соединяется с редкой твердостью. Она дочь графа Воронцова... и сестра Любовницы Петра III, дочь человека, который более всего был заинтересован в том, чтобы император пребывал на троне. Но это соображение ничуть не остановило ее, ибо она думала: счастье Родины зависит от возвышения императрицы»⁴³. Княгиня Каршов – это, конечно же, Дашкова. Однако усилия этих людей были бы бесплодными, писал Пикте, если бы не существовали Частные лица. «Эти последние думали также, но были ближе к Народу, к солдатам и как только просочились к ним, сразу же увидели: все сердца расположены к Императрице и что среди них нет ни одного, на кого он не могла бы рассчитывать». («...des Particuliers qui pensoient comme eux, et qui plus à portée de se faufiler dans le Peuple, et parmi les soldats, ont vus tout de suite que tous les coeurs étoient à L'Impératrice, et qu'il n'étoit pour ainsi dire personne, sur qui elle ne pût compter»)⁴⁴. Именно среди этих частных людей находились те, кто задумал предприятие и был во главе всего («ont été à la tête de tout») – три брата Орлова. Далее всего из них пошел капитан артиллерии. Именно они все сделали («ceux qui ont tout fait»)⁴⁵. Поначалу они действовали вне всякой связи с придворными, которые имели те же намерения, но не располагали средствами их исполнить самим. Поэтому они были вынуждены присоединиться к частным лицам.

Пикте особенно подчеркнул то обстоятельство, что все действия этих людей вовсе не были покрыты непроницаемой тайной. Чуть ли не все видели, что что-то затевается против императора. Они могли бы открыть интригу в том случае, если бы их арестовали. И ничего бы не произошло, если бы привязанность буквально каждого к императрице не оказалась столь сильной и тысяча петербуржцев не была бы готова пожертвовать своей кровью ради ее безопасности. Автор письма отметил, что его корреспондент уже знает, как развивались события. Заговорщики не собирались действовать в тот день, когда они были вынуждены начать свое дело после ареста одного из руководителей. «Однако чего вы не можете знать так же, как мы, которые видели это собственными глазами, – подчеркивал автор письма, – так это того, что это обстоятельство естественно послужило бы большим Препятствием к успеху предприятия, если бы все сердца не были расположены к Императрице» («Mais ce que vous ne pouvés pas savoir, comme nous qui l'avons vu, c'est que cette circonstance devoit naturellement mettre bien des Obstacles au succès de l'entreprise, si tous les coeurs n'avoient pas été pour L'Impératrice»)⁴⁶.

Переворот в пользу Елизаветы Петровны произошел среди ночи, когда гвардейцы посадили ее на отцовский трон. Регент и его министры были

арестованы в своих постелях. Переворот же в пользу Екатерины принципиально отличался от этих событий.

Ночью императрица покинула свое загородное жилище, прибыла в Петербург и в течение целого дня принимала присягу от встретивших ее здесь вельмож, от войск и от частных лиц. Хотя Петр III располагал довольно внушительной военной силой, войска не подчинялись его приказам, и «все отвернулись от него» («tout le monde lui tourna tellement le dos»)⁴⁷. Еще одно доказательство того, что переворот был обусловлен народным движением в пользу императрицы, Пикте видел в том, что никто из министров, фаворитов и близких лиц свергнутого императора, которые в других условиях могли бы представлять опасность, не был убит, брошен в тюрьму или сослан. «Тем не менее такова <...> приверженность нации к Императрице, приверженность, которая с каждым днем становится все сильнее и сильнее, что стало возможным предоставить свободу всем, кто был арестован, <...> и этот акт милосердия не может стать опасным» («Tel est cependant <...> l'attachement que la Nation a pour L'Impératrice, attachement qui augmente tous les jours qu'on a pu rendre la liberté à tous ceux qui avoient été arrêtés <...> sans que cet acte de clémence pût devenir dangereux...»)⁴⁸. Далее Пикте снова писал о «привязанности, Уважении и Почтении» («l'attachement, le Respect, la Vénération») к особе императрицы, которые она внушает всем людям. Да разве это может быть иначе? Разве они не видят каждый день ее доброту, Милосердие и Справедливость. Разве они не знают, что она все дни и часть ночи занята тем, чтобы сделать своею Страну счастливой и процветающей? Не опасаясь прослыть льстецом, Пикте утверждал, что «на Российском престоле сейчас находится монархиня, которая должна быть Образцом для Королей» («Le Trône de Russie est occupé aujourd'hui par une souveraine qui doit être le Modèle des Rois»)⁴⁹.

Итак, Пикте сделал все возможное, чтобы рассеять возникшие в Европе подозрения в том, что Петр III пал жертвой интриги своей супруги. Она вовсе не боролась за трон. Императрица не предпринимала никаких действий, чтобы достичь его, но лишь следовала желаниям народа. Характеристика Екатерины была усилена дифирамбическими похвалами личным качествам этой женщины. Этих похвал так не хватало в письме Шувалова. Там хвалили Дашкову, здесь Екатерину. Едва ли не все дифирамбы княгине, за исключением лишь «tous les charmes du corps» «телесной прелести», были помещены в письмо Пикте и адресованы теперь Екатерине, «достойнейшей и величайшей Императрице, которая когда-либо царствовала во Вселенной» («la plus digne et la plus grande Impératrice qui ait jamais régné dans l'Univers», «государыне, которая должна послужить Образцом для Государей» («une souveraine qui doit être le Modèle des Rois»)), «необык-

новенной личности» («une personne unique», «истинному Философу» («un vrai Philosophe»)⁵⁰.

Что же касается Дашковой-заговорщицы, то Пикте постарался опустить ее с высот, на которые она была вознесена пером И. И. Шувалова. Корреспондент Вольтера низвел ее до рядовой участницы одной из фракций заговора, которая сама по себе не имела самостоятельного значения. Таким образом главными виновниками переворота стали сам Петр III, подданные, расположенные к императрице, и частные лица, обеспечившие поддержку Екатерине со стороны нации. Подлинными героями переворота явились братья Орловы, которые все сделали сами. Дашкова же, несмотря на ее похвальные качества, оставалась лишь среди придворных, которые сами по себе были бессильны. Такое построение не только перечеркивало написанное о княгине И. И. Шуваловым, но и дезавуировало все то, что ранее вышло из-под пера самого Пикте, и было уже обнародовано в Париже «Энциклопедическим журналом». То, что конспираторы собирались у Дашковой, не имело большого значения, потому что они ничего не могли сделать сами по себе. Не так уж существенно, оказывается, было и то, что Дашкова послала в Петергоф карету, которая доставила императрицу в расположение Измайловского полка. Гораздо важнее, что вельможи, военные и частные лица поспешили встретить ее в Петербурге и в течение целого дня приносили ей присягу. Неопределяющее значение имел и петергофский поход, в котором Дашкова принимала непосредственное участие. Важно, что войска перестали подчиняться императору и все добровольно переходили на сторону императрицы. Дело решила всенародная любовь к супруге императора. Так «Героине» Дашковой Пикте противопоставил «августейшую Екатерину» («l'auguste Catherine»)⁵¹.

Такова версия, отправить которую Вольтеру санкционировала императрица. Екатерина II вела массивную атаку на писателя с целью не допустить того, чтобы он стал прославлять Дашкову. По словам Ж.-А. Кастера, Екатерина тешила себя надеждой обмануть иностранные державы, как она ввела в заблуждение русских. Она желала заставить Европу поверить, что, вступая на престол, она лишь уступала голосу народа. С этой целью императрица поручила пьемонтцу Ж.-Д.-Ж. Одару⁵² предложить послу Франции написать Вольтеру, чтобы попросить его оберечь себя от тщеславия княгини Дашковой. Следовало сказать писателю, что если он будет прославлять то событие, которое произошло в России, ему должно говорить об этой женщине как сыгравшей очень второстепенную роль в революции, успех коей всецело зависел от мудрости и смелости императрицы. Такое же поручение она дала послам в Париже и Лондоне. К этому месту Кастера сделал примечание о том, что и двадцать пять лет спустя Екатерина говорила в том же духе с министром иностранной державы⁵³.

Трудно сказать, давалось ли такое щекотливое поручение Ж.-Д.-Ж. Одару, направлялись ли подобные инструкции парижскому и лондонскому послам. Но Л.-О. Бретейлю действительно предлагалось воздействовать на Вольтера. Об этом он донес своему двору 2 (13) сентября 1762 г. Бретейль исчерпывающе объяснил отношение Екатерины к Дашковой. Дипломат писал о неблагодарности императрицы. По его словам, царица уже дала доказательства этого в своем ближайшем окружении. «Фавор княгини Дашковой, которой она обязана более всего, сошел почти на нет. Она уязвлена тем, что все сообщения обо всем здесь произошедшем справедливо называют совершившийся переворот заслугой этой молодой женщины. Царица передала мне просьбу исправить ваши мысли на этот счет; меня также спрашивали от ее имени, знаком ли я с Вольтером, с тем чтобы я исправил также представление поэта о роли княгини Дашковой в заговоре. Она опасается, что французский поэт, который переписывается со многими здешними персонами, воспевает княгиню Дашкову. Поступая так, она слишком далеко заходит в ревности и неблагодарности, потому что ей хорошо известно, что я прекрасно осведомлен, какие услуги оказала ей эта молодая женщина. <...> Царице известно, что я ранее имел несколько бесед с этой молодой заговорщицей, в ходе которых она дала мне понять, что пользуется безграничным доверием императрицы. Но все это уже забыто, и ее величество царица старается убедиться, что своими успехами она обязана исключительно собственным талантам»⁵⁴.

Усилия императрицы не пропали даром. Получив письмо Пикте от 4(15) августа, содержащее прямую апологию Екатерины II, Вольтер не мог не заметить, насколько описанные в нем обстоятельства отличаются от того, что имело место в действительности. Для этого не требовалось особой проницательности. Достаточно было сравнить текст с его же письмом от 3(14) июля, к тому времени уже обнародованным, чтобы убедиться в этом. Писатель не мог не понимать, что «освятив» своим именем апологию Пикте, т.е. публично одоблив высокопарные дифирамбы российской императрице, которую Европа подозревала в интриге и убийстве мужа, фернейский патриарх рисковал набросить тень на свою репутацию независимого автора. Но в то же время он не мог не понять, что Екатерина нуждалась в содействии философов и их философии. В этом же письме Пикте сообщал, что императрица пригласила Даламбера в Петербург стать воспитателем наследника великого князя Павла Петровича и перенести в Россию издание «Энциклопедии». Именно Пикте, будучи едва знаком с ним, в тот же день 4(15) августа написал Даламберу письмо с приглашением приехать и рассчитывал на содействие Вольтера в этом вопросе. По всей видимости, Пикте пытался дать понять и Вольтеру, что в России его может ждать благосклонный прием. Во всяком случае, фраза «Pourquoi une distance de

800 Lieues vous sépare t'elle de Petersbourg, Vous viendriés, et vous verriés sur le trône un vrais Philosophe» («Почему же расстояние в 800 лье отделяет вас от Петербурга? Если бы вы приехали, то увидели бы настоящего Философа на троне») ⁵⁵ вполне может быть именно так прочитана. Впрочем, как и последние строки письма: «...Aujourd'hui un honnête homme ne sauroit être malheureux à Petersbourg» («...Ныне честный человек не может быть несчастным в Петербурге») ⁵⁶.

Вольтеру трудно было не понять, что в нем нуждаются в Зимнем дворце. Философ нуждался в Екатерине II не меньше, чем она в нем. Чтобы не расставаться с имиджем неангажированного писателя и никак не выставить публично свое имя в качестве апробации текста Пикте, он написал ему в ответ небольшое письмо. Его нельзя было показать не только императрице, но кому бы то ни было. В нем Вольтер игриво писал о том, что не любит вино, но грезит и обожает красивых императриц, которые покровительствуют искусству и намериваются печатать энциклопедию в своих странах ⁵⁷.

Тем не менее он все же «дал добро» на анонимное распространение екатерининской версии в изложении Пикте, низводящей Дашкову до роли второстепенного персонажа. Вольтер отредактировал текст письма, удалив из него наиболее одиозные дифирамбы императрице ⁵⁸, и добился его публикации в авторитетнейшем европейском издании.

1 ноября 1762 г. в «Энциклопедическом журнале» появилось анонимное «Lettre écrite de Petersbourg, au sujet de la dernière révolution» ⁵⁹. Примечательно, с каким мастерством в публикуемый текст была сделана вставка, касающаяся Дашковой. К характеристике Пикте Вольтер добавил, что у Дашковой «простой и бесхитростный характер» («un caractèr simple et vrai»). Отметив, что княгиня всегда предпочитала общественные интересы собственной выгоде, Вольтер написал: «Она даже постоянно сопровождала императрицу во время этого переворота, перенося такие тягости, которые не всякий мужчина смог бы вынести без особых на то причин» («... elle a toujours préféré l'interest public au sien propre. Elle a même accompagné constatement l'Imperatrice, pendant tout cette affaire, supportant des fatigues qu'un home ne sauroit se metre dans le cas de souffrir de gayété de coeur») ⁶⁰.

Кажется, саркастический яд Вольтера так и капает с его пера. На первый взгляд перед нами – похвала. На самом же деле эта фраза лишает Дашкову какой-либо самостоятельной роли в перевороте. Княгиня действовала в интересах общества, но при этом она лишь сопровождала императрицу. Наконец, сопоставление с мужчиной было явно не в пользу Дашковой: под видом комплимента это выражение заключает в себе некий намек на ее неженскую ипостась ⁶¹. Во всяком случае, прочитав его, трудно поверить, что у этой женщины были «tous les charmes du corps et de l'esprit». Со страниц

«Journal Encyclopédique» предстает образ некой мужланки. И это не могло не вызвать удовлетворения у ревливой Екатерины. Стоит ли удивляться тому, что, начиная с этого времени, сравнение Дашковой с мужчиной становится общим местом французской Россики.

Вольтер этой публикацией продемонстрировал перед монархиней свою потенциальную силу: способность воздействовать на общественное мнение Европы и умение очень тонко справляться с задачами, решения которых от него ожидали. Его переписка с Пикте послужила поводом установить непосредственные отношения между Зимним дворцом и Ферне ⁶². Жаль только, что разменной монетой между Семирамидой Севера и фернейским патриархом послужила Дашкова, а Европе была представлена совсем не та роль, которую сыграла княгиня в воцарении Екатерины в действительности.

В этой истории есть еще один важный аспект. Необходимость дезавуировать Дашкову понудила Екатерину обратиться к помощи Вольтера. Трудно сказать, не адресуй Шувалов своего письма фернейскому Патриарху, выбрала бы Екатерина его в качестве своего посредника. Но раз ему были посланы дифирамбы Дашковой, именно его и требовалось убедить не оглашать их. Дезавуирование Дашковой таким образом явилось поводом к непосредственному контакту с Вольтером.

Недаром я назвал свою статью «Вольтер, княгиня Дашкова, Екатерина II». В этой конструкции имя Дашковой служит как бы мостиком между французским писателем и российской императрицей. Сама того не желая, княгиня явилась связующим звеном между двумя этими великими людьми. Можно даже представить ее в виде эмбриона, из которого затем развилось то, что носит название «Voltaire – Catherine II: Correspondance 1763–1778».

Едва ли Дашкова догадывалась о той роли, которую она, сама того не желая, сыграла в возникновении этого важнейшего памятника франко-русских культурных отношений. Трудно сказать, была ли ей известна вольтеровская публикация в «Journal Encyclopédique». Члены воронцовского клана письмо Пикте читали и довольно резко осуждали его ⁶³.

Но о письме императрицы С. Понятовскому, получившем широкое распространение в Европе (собственно говоря, именно для этого оно и было написано), княгиня знала. И была этим очень огорчена. В письме к своей английской подруге Кэтрин Гамильтон 1804–1805 гг. Екатерина Романовна поместила такие, полные горечи строки: «...Замечу, что есть один очерк, нарисованный, как говорят, рукой самой императрицы; по восшествии на престол она писала польскому королю, и, говоря об этом событии, уверяла его, что мое участие в этом деле ничтожно, что я, на самом деле, не больше, чем честолюбивая дура. Я не верю ни одному слову в этом отзыве; за всем тем удивляюсь, каким образом умная Екатерина могла так

говорить о бедной ее подданной, и говорить в ту самую минуту, когда я засвидетельствовала ей безграничную преданность и ради ее рисковала головой перед эшафотом»⁶⁴. Прочитав в книге Кастера о том, что Екатерина предупреждала Вольтера не стать орудием честолюбия Дашковой, княгиня поместила на полях тот самый пассаж, в котором императрица объявляет А. П. Бестужеву, что своей короной она обязана прежде всего ей⁶⁵.

Примечания

¹ *Castera J.-H. Vie de Catherine II. Paris, 1797. Т. 1—2.*

² *Корнилович-Зубашева Е. О. Княгиня Дашкова за чтением Кастера // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1922. С. 359; Сомов В. А. Книга о Екатерине II из собрания Е. Р. Дашковой // Книжные сокровища: к 250-летию БАН. Л., 1990. С. 144—150; Somov V. A. Le livre de Castera d'Artignes sur Catherine II et sa fortune // Catherine II et l'Europe. Paris, 1997. P. 48.*

³ *Castera J.-H. Vie de Catherine II. Paris, 1797. Т. 1. P. 298. Отдел рукописей БАН. Q 494. P. 298. В дальнейшем: ОР БАН. Здесь и далее перевод с французского автора статьи*

⁴ *Сафонов М. М. «Записки» Е. Р. Дашковой и их авторы // Е. Р. Дашкова и XVIII век. М., 2010. С. 83—88.*

⁵ *Дашкова Е. Р. Записки княгини Дашковой: письма сестер Вильмот из России. М., 1991. С. 89.*

⁶ Так, полномочный посланник Испании П. де Альмодовар в депеше, написанной в день переворота 28 июня (9 июля) 1762 г., назвал его главными действующими лицами «семью Орловых и княгиню Дашкову». «Эта дама, — отмечал испанский дипломат, — считается главной фигурой интриги. Именно она села на коня рядом с императрицей, чтобы предпринять поход на Ораниенбаум» (Россия и Испания : док. и материалы, 1667—1917. М., 1991. Т. 1 : 1667—1799. С. 185). Два дня спустя Альмодовар еще категоричнее утверждал: Дашкова «была главной фигурой всей интриги» (Там же. С. 187). Свои суждения испанский дипломат строил, скорее, на внешних признаках, таких как награждение Дашковой после переворота орденом Св. Екатерины или присутствие княгини верхом рядом с императрицей во время похода на Петергоф. Хотя точными данными посланник не располагал (так, например, он утверждал, что во время переворота два брата Орлова прибыли в Петергоф... к княгине Дашковой, которая разбудила Екатерину (?)). Тем не менее, не зная подробностей и деталей, дипломат верно передает распространившийся в городе взгляд на исключительную роль Дашковой в серальной революции.

То же следует сказать и о депешах австрийского посланника Ф.-К. Мерси д'Аржанто. В донесении от 1(12) июля дипломат назвал Дашкову «первым из главных орудий» переворота, наряду с Н. П. Паниным, К. Г. Разумовским, пятью братьями Орловыми (Сборник РИО. СПб., 1876. Т. 18. С. 416). 2(13) июля Мерси д'Аржанто сообщил: он говорил с полчаса с княгиней Дашковой и спешил заверить руководителя австрийской внешней политики, что «через нее можно совершить

великие дела, она, конечно, будет иметь на них большое влияние». Попутно посланник высказывал свои соображения, как можно этого добиться (Там же. С. 439). 12(24) июля Мерси д'Аржанто назвал «главным орудием к возведению на престол новой государыни» Н. И. Панина, но при этом добавил: «...Я должен донести об особе, которая, к удивлению, появится в среде здешнего министерства. Особа эта — княгиня Дашкова, обладающая при романтическом воображении изрядными умственными способностями с врожденным искусством к интригам. При последнем перевороте она пренебрегла своим отцом, сенатором графом Воронцовым, сестрой, фавориткой бывшего царя, и своим семейством, чтобы стать вторым лицом, которому новая государыня обязана престолом. Императрица как-то особенно любит княгиню Дашкову, оставляет ее теперь жить при дворе, не содержит от нее ничего в тайне, обо всем советуется с нею» (Там же. С. 461). «Сестра фаворитки предшественника, супруга князя Дашкова, — доносил 2(13) июля прусский чрезвычайный посланник Б.-И. Гольц, — главная движущая сила переворота. Она только что получила Екатерининскую ленту» (*Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. 2. С. 637*). Английский посланник Р. Кейт в депеше 2(13) июля так обрисовал роль Дашковой: «Как я полагаю, главную роль в этом перевороте сыграли гетман Кирилл Разумовский и г-н де Вильбуа и граф Панин, воспитатель великого князя, а из нижестоящих самыми деятельными и посвященными во все тайне замыслы были братья Орловы. Весьма примечательно то, что местом их встреч послужил дом княгини Дашковой, еще не достигшей и двадцати лет» (*Тургенев А. И. Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 221—222*). «Несомненно, — продолжал дипломат, — что именно она сыграла важную роль, как при составлении замысла, так и в осуществлении оногo» (Там же). («Il est certain qu'elle a joué un grand rôle dans la conception et l'exécution de toute la conspiration depuis le commencement à la fin» (*La cour de la Russie il y a cent ans, 1725—1783. Berlin, 1858. P. 209*).

Голландский резидент Мейнергаузен доносил 30 июня (11 июля) о том, что княгиня Дашкова «руководила всею революцией и составила ее план» (*Брикнер А. Г. Первые годы царствования Екатерины II: (по депешам голландского резидента Мейнергаузена) // Ист. вестн. 1884. Т. 18, октябрь-декабрь. С. 11*).

Но, пожалуй, самое обстоятельное донесение составил французский поверенный в делах Л. Беранже. В его донесения наиболее рельефно отражена роль княгини. 2(13) июля он донес своему двору о том, что заговор зародился в доме Дашковой (Сборник РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 9). По его словам, княгиня был «опорой (arcboutant — буквально, наружной опорной балкой) заговора». Девятнадцатилетняя подруга императрицы «шеголяла философией и независимостью среди невежества и деспотизма. Это совершенно особенная женщина, способная бравировать перед эшафотом, но у нее недостает опытности, чтобы мудро идти к своей цели. Двадцать раз она пропускала мимо ушей мои замечания относительно принципов конспирации. Тем не менее, именно у нее в доме бывали собрания и зародилась интрига заговора» (Там же. С. 13).

⁷ «...принуждены были, — гласил манифест, — приняв Бога в свидетели и его правосудие себе в помощь, а особливо видею к тому желание всех наших вернопод-

данных ясное и нелицемерное, вступили на престол...» (Цит. по: *Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. 2. С. 31).

⁸ *Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Т. 2. С. 84, 88—89. В «обстоятельном» манифесте говорилось: «Почему вооружая силою руки Господней, не успели мы только согласие свое изъявить присланным к нам от народа избранным верноподданным, тотчас увидели желание всеобщее к верноподданству, которое нам все чины духовные, военные и гражданские всеохотно присягой утвердили» (Там же. С. 88—89). В первых же строках этого документа желание всенародное трактовалось как Божий промысел: «Вступление наше на всероссийский императорский престол явным есть доказательством истины сей, что где сердца нелицемерные действуют во благо, тут рука Божия предводительствует. Не имели мы никогда ни намерения, ни желания таким образом воцариться, каковым Бог по неведомым его судьбам промыслом своим нам определил престол отечества Российского воспринять» (Там же. Т. 2. С. 84).

⁹ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 561.

¹⁰ *Rulhier C.-C.* Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en 1762. Paris, 1797; *Рюльер К.-К.* История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. В «Архиве князя Воронцова» воспроизведен текст самих замечаний. (АВ. М., 1875. Кн. 7. С. 653—656). В сборнике же «Переворот 1762 года» маргиналии напечатаны параллельно с текстом сочинения Рюльера (Переворот 1762 года: сочинения и переписка участников и современников. М., 1908. С. 11—72. Маргиналии Дашковой см. на с. 15, 35, 36, 39, 43, 44, 56, 60, 64, 67, 71).

¹¹ АВ. Кн. 7. С. 654.

¹² «Шувалов, фаворит императрицы Елизаветы, — писала Дашкова в своих «Записках», — желая прослыть меценатом, выписывал из Франции все вновь появившиеся книги. Он оказывал особенное внимание иностранцам; от них он узнал о моей любви к чтению; ему были переданы и некоторые высказанные мною мысли и рассуждения, после чего он предложил мне быть моим библиотекарем и снабжать всеми литературными новинками» (АВ. М., 1881. Кн. 21. С. 10; *Дашкова Е. П.* Записки княгини Дашковой: письма сестер Вильмот из России. С. 43).

¹³ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 570. Во время переворота И. И. Шувалов появился у Казанской церкви, куда Н. И. Панин привез цесаревича Павла, и принес присягу Екатерине (*Бартенев П. И.* И. И. Шувалов // Рус. беседа. 1857. № 1. С. 51; *Навьер А.* Екатерина Великая и Иван Иванович Шувалов: штрихи к сравнительному историческому, психологическому и политическому портрету // Философский век. СПб., 1998. Вып. 8 : Иван Иванович Шувалов (1727—1797): просвещенная личность в российской истории. С. 171). Он принял непосредственное участие в петергофском походе. Три месяца спустя имя И. И. Шувалова фигурировало в деле Гурьевых и Хрущевых. Когда двор находился в Москве на коронации, ряд офицеров — Иван, Семен, Петр Гурьевы и Алексей Хрущевы выражали недовольство тем положением, в котором они находились после дворцового переворота, возвысившего прежде всего братьев Орловых. Дальше разговоров дело не пошло, но в ходе следствия выяснилось одно щекотливое обстоятельство. «Заговорщики

утверждали, что существует „партия“ влиятельных сановников, которые хотят дать власть Ивану Антоновичу», младенцем свергнутому с престола и томившемуся в Шлиссельбурге. Среди этих сановников называлось имя И. И. Шувалова (*Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Т. 2. С. 188). Вместе с тем обсуждался и другой вариант: дать власть великому князю Павлу Петровичу. Офицеры заявляли: «... Для чего цесаревич не коронован, и теперь сомнение у Панина с Шуваловым, кому правительем быть?» (*Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Т. 2. С. 190; *Сафонов М. М.* Завещание Екатерины II. СПб., 2002. С. 30). 9 октября 1762 г., в тот день, когда следственная комиссия подала Екатерине II доклад, на основании которого братья Хрущевы и братья Гурьевы приговаривались к смертной казни, И. И. Шувалов подал прошение императрице «об увольнении на некоторое время вояжировать в иностранные государства» (*Яремич С. И.* Основание Академии художеств в президентство И. И. Шувалова // Изв. Гос. Акад. истории материальной культуры. М. ; Л., 1934. Вып. 123 : Русская академическая школа в XVIII в. С. 60; *Навьер А.* Екатерина Великая и Иван Иванович Шувалов... С. 170. К сожалению, никто из биографов И. И. Шувалова не увидел связи между этими двумя событиями.

¹⁴ D 10596.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *Diderot D.* Œuvres complètes de Diderot. Paris, 1876. Т. 17. P. 487—490.

¹⁷ Следует отметить, что Шувалов не был первым, кто назвал Дашкову «героиней». Раньше его это сделал Л. Беранже в депеше 2(13) июля (Сборник РИО. Т. 140. С. 6).

¹⁸ D 10596.

¹⁹ АВ. М., 1882. Кн. 25. P. 442—423.

²⁰ Здесь «camarades» — офицеры гвардии, скорее «товарищи по оружию» или «однополчане», нежели «друзья».

²¹ АВ. Т. 5. СПб., 1872. С. 161.

²² *Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Т. 2. С. 469.

²³ *Voltaire – Catherine II : Correspondance 1763—1778 / texte présenté et annoté par A. Stroev.* Paris, 2006. P. 36.

²⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 563.

²⁵ Там же. С. 564.

²⁶ Там же. С. 596.

²⁷ Там же. С. 569—570.

²⁸ О нем см.: *Люблинский В. С.* Письмо Вольтера к Пикте // Вольтер : ст. и материалы. Л., 1947. С. 188—195.

²⁹ Текст письма Пикте без указания адресата был опубликован П. И. Бартеневым еще в 1883 г. в «Архиве князя Воронцова». (АВ. М., 1883. Кн. 29. С. 159—165).

³⁰ *Journal Encyclopédique.* 1762. Le 15 de Septembre. Partie I. P. 145—150. Факт публикации текста Пикте в «Энциклопедическом журнале» был установлен Д. Ф. Кобеко год спустя после выхода 39 тома «Архива князя Воронцова» (*Кобеко Д. Ф.* Екатерина Вторая и Даламбер // Ист. вестн. 1884. № 16. С. 110). Но исследователь не знал, что письмо было адресовано Вольтеру. Это установил В. А. Бильбасов в 1900 г. В обзоре источников о перевороте 1762 г. биограф Екатерины II указал, что

Вольтер опубликовал адресованное ему Пикте письмо в «Journal Encyclopédique» и дал точную ссылку (*Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. Т. 2. С. 481). Это обстоятельство укрылось от Т. Бестермана, и текст письма не вошел в самое авторитетное собрание писем Вольтера.

³¹ АВ. Кн. 29. С. 159—160; Journal Encyclopédique. 1762. Т. 6. Le 15 de Août. Partie I. P. 145—151.

³² Ibid.

³³ Ibid. P. 148—149.

³⁴ Основным источником сведений Пикте был французский поверенный в делах Лоран Беранже. В ряде мест Пикте почти дословно повторил его депешу, отправленную Э.-Ф. Шуазелю 2(13) июля 1762 г. (Сборник РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 2, 3, 9).

³⁵ По всей видимости, это обстоятельство осталось неизвестным В.С. Люблинскому. Во всяком случае, авторитетнейший ученый полагал, что письмо женева Вольтеру 4(15) августа, посредством которого Екатерина попыталась установить литературные отношения с философом, явилось первым документом, содержащим описание переворота 28 июня 1762 г. (*Люблинский В. С.* Письмо Вольтера к Пикте. С. 188). В. С. Люблинский пользовался статьей Д. Ф. Кобеко, в которой имелись сведения о публикациях писем Пикте в «Энциклопедическом журнале» (см. выше), но автор этой статьи не знал, что эти письма были адресованы Вольтеру. Между тем из первых строк Пикте можно заключить, что он не впервые затрагивает этот сюжет в их переписке и поэтому вынужден объяснять, почему именно снова берется осветить этот же предмет. «Вне всяких сомнений, — писал Пикте, — вы будете удивлены, что получили сегодня еще одно из моих писем. Но Революция, свидетелями коей мы стали, порождает столько Размышлений, что я, хотя уже и имел честь сообщить все то, что произошло в *тот момент, когда это свершалось* (курсив мой. — М. С.), не могу удержаться, чтобы не поделиться с вами множеством мыслей, которые мне пришли в голову». «Vous serés sans doute, étonné de recevoir encore aujourd'hui une de mes Lettres, mais La Révolution dont nous venons d'être témoins, donne lieu à tant de Réflexions, que quoique j'aie desja eu l'honneur de vous mander ce qui s'est passé à *l'instant de l'événement* (курсив мой. — М. С.), je ne puis m'empêcher de vous entretenir encore de mille Idées qui me sont venues» (D 10650).

³⁶ АВ. Кн. 29. С. 165—168; Journal Encyclopédique. 1762. Le 15 de Septembre. Partie 2. P. 140—151.

³⁷ АВ. Кн. 29. С. 168—170; Journal Encyclopédique. 1762. Le 15 de Septembre. Partie 3. P. 145—149.

³⁸ D 10650.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

⁵² О нем см.: *Кобеко Д. Ф.* Екатерина Вторая и Даламбер // Ист. вестн. 1884. Т. 16. С. 119—110.

⁵³ *Castera J.-H.* Vie de Catherine II. Paris, 1797. Т. 1. P. 298; ОР БАН. Q 494. P. 298.

⁵⁴ Сборник РИО. Т. 140. СПб., 1912. С. 70—71; *Тургенев А. И.* Российский двор в XVIII в. С. 23.

⁵⁵ D 10650.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ D 10774.

⁵⁸ *Hans N.* François Pierre Pictet, Secretary to Catherine II // The Slavonic and East European Rev. 1958. Vol. 36, № 87, June. P. 481—491. Текст письма Пикте с правкой Вольтера воспроизведен на с. 484—490.

⁵⁹ Journal Encyclopédique. 1762. Le 1 de Novembre. Partie 3. P. 122—131.

⁶⁰ Там же. P. 127; *Hans N.* François Pierre Pictet, Secretary to Catherine II. P. 487.

⁶¹ Видимо, Вольтер воспользовался здесь фразой из адресованного ему письма Пикте от 3 (14) июля «*équipée militairement, ainsi que la princesse d'Aschkow*» («в боевом снаряжении, как и княгиня Дашкова») (Journal Encyclopédique. 1762. Le 15 de Septembre. Partie 1. P. 148—149). Но Пикте наряду с перечисленными им мужчинами имел в виду и самую Екатерину II. Вольтер же так мастерски построил фразу, что под его пером «*мужские тягости*» пришлось лишь на долю Дашковой.

⁶² *Люблинский В. С.* Письмо Вольтера к Пикте. С. 188.

⁶³ АВ. М., 1872. Кн. 5. С. 105.

⁶⁴ *Дашкова Е. П.* О смысле слова «воспитание»: сочинения, письма, документы. СПб., 2001. С. 259.

⁶⁵ *Castera J.-H.* Vie de Catherine II. Paris, 1797. Т. 1. P. 298; ОР БАН. Q 494. P. 298.